4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 23 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮНЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

„ОХРАНА ТРУДА, ГДЕ ТЫ?"

В Москве, в Промвоенторге комиссия по охране труда распределила места на курорты и в санатории. В итоге — в первую очередь едет *сама охрана труда*, затем *местком, администрация:* завы, главбухи и просто бухи! Низших служащих совсем мало а для рабочих — всего *три места*. („Наша газета")

Рис. Б. Малаховского

ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ..

УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Рис. Б. Малаховского

— Серега! тащи крем „Метаморфозу“ — колесо смазать!

КОГДА НЕ ВЕЗЕТ

Двенадцатая камера на прогулку не пошла. На все увещания, приказания и даже угрозы надзирателей двенадцатая камера ответила:

— Заняты. Никак не можем. Да и больны все. У всех животы болят.

— У всех пятнадцати?

— У всех, у пятнадцати. Так и доложи начальству: в двенадцатой пятнадцать животов не в порядке. Да проваливай же! Говорим: заняты!

Действительно, были заняты. Двенадцатая камера составляла жалобу по начальству.

Писал химическим карандашом Антон Терентьич Депозитов, старый вор, лет пятидесяти, с солидной и внушительной наружностью. Небольшая седая бородка, очки и приличный, хотя и поношенный, сюртук делали его похожим на профессора старого доброго дореволюционного времени.

Склонив голову на бок, он писал, громко произнося каждое написанное им слово.

„Всероссийскому старосте Калинину, в ЦКК, Губсуд и начальнику ДПЗ, товарищу Ивану Петровичу. Жалоба“.

Налетчик Скворцов, парень лет 18-ти, из беспризорных, нерешительно замечает:

— Ты-бы, дедушка, прямо Ивану Петровичу. Чего там всех тревожить...

— Молчи! — строго обрывает Депозитов. — Не твоего это, брат, ума дело! Тут тебе не налет: руки вверх! Где золотые вещи? Пожалуйте в клозет! И готово! Тут дело потоньше будет. Слава богу, сорок лет по тюрьмам шатаюсь. При царе Александре за кражу часов судился. Не тебе меня учить.

Жалоба начинается:

„Пролетарии, которые в двенадцатой камере для товарищеского воздействия, пострадавши от бывшей на днях очередной двенадцатой в эфтом году разгрузки тюрьмы, жалуются: на пятнадцать человек ни одного нэпмана. В тринадцатой на двенадцать человек пять штук нэпачей, от какой причины целый день вся тринадцатая лопает колбасу с ситным и маринованные бычки и даже кетовую икру. В пятнадцатой на каждого пролетария почитай что по одному нэпачу. Все толстые от хорошего нэповского продовольствия и даже миноги жрут. Потому нэпману что? Каждый день по чемодану на брата. А в чемодане всего: и икры, и раки живые, и цыплята жареные, и таковые утки. Вся камера кушает, потому постель им делают и платье чистят. Все и кормятся всяким добром: икрой, да семгой, да камбалой“...

— Знает Терентьич, что нэпачи кушают! — не выдерживает налетчик: — Преопытный дед.

— Сам из нэпманов! — замечает чей-то насмешливый голос.

Спокойный Депозитов выходит из себя.

— Врешь! Я с малолетства воровским делом занимался. Жуликом и плутом никогда не был...

— Не он сам.. Брат у Антошки—нэпман. Депозитов. Большие дела делает. Из карманов не тащит, а сам в чужие карманы кладет. С большой ловкостью делает. Парень фартовый, не нашему брату чета!

У Депозитова, действительно, брат нэпман. Дмитрий Терентьич Депозитов, известный хорошо в нэповских сферах, но он не любит, когда ему напоминают об этом. Смущенно он ворчит:

— Всегда был жуликом. Моложе меня был лет на пять, а всегда обжуливал.

Вдруг свирепеет:

— Да ну вас к черту! Писать что-ли?

— Пиши, пиши! — раздается со всех сторон.

Жалоба продолжается:

„А посему двенадцатая камера, как будучи пролетарского происхождения и не имеющая передачи с воли, просит перевести из какой-нибудь камеры хоть одного нэпача для общего пролетарского нарпитания“...

Сила жалобы, написанной как и кому надо, оказалась сокрушительной. Она не успела еще выйти из стен двенадцатой камеры (жалобу собирались подать только утром), как результаты уже сказались.

В три часа ночи в двенадцатую привезли новенького. Когда утром двенадцатая встала, она увидела на одной из коек отличный матрац, покрытый белоснежной простыней. На белоснежной подушке покоилась полуседая голова. Остальное тело было покрыто элегантным одеялом. У койки стоял великолепный желтый чемодан.

— Нэпач! — пронеслось по двенадцатой.

Новенький зевнул и открыл глаза.

Антон Терентьич, как самый почтенный, подошел к койке и вкрадчиво, хотя и с достоинством, спросил:

— Ночью прибыли? Не приобыкли еще. Ничего, наши ребята помогут. Вы по 114-й?...

Антон Терентьич вдруг осекся. Новый сидел уж на кровати и смотрел во все глаза на Антона Терентьича.

— Митька! — вдруг крикнул Депозитов. — Попался-таки, наконец, жулябия проклятая!

Дмитрий Терентьич Депозитов ничего не сказал. Молчал он целый день. А вечером и желтый чемодан, и белоснежная подушка, и элегантное одеяло, и он сам перекочевали в тринадцатую, где на двенадцать человек стало теперь шесть нэпачей.

Жалоба двенадцатой камеры осталась неотправленной. Заключенные решили:

— Когда не везет, все равно ничего не выйдет. Опять наскочишь на какого-нибудь брата...

Антона же Терентьича все жалели, и правильно: чем виноват человек, если у него брат—нэпач? Как известно: сифилис—не позор, а несчастье...

О. Л. д'С

ПРО ЗАВА

Зав встает на заре,
Зав помешан на ре-
организации.
Беспощаден и дик,
Хочет все привести к
стандартизации.
Зав приходит в азарт:
— Всюду, всюду — стандарт
и экономия!
Не проект, а восторг —
Вмиг изменит Госторг
физиономию.

Пишет трепетно зав:
— На две комнаты — шкаф
механический.
Чтоб никто не уснул —
Всюду вводится стул
электрический.
Вместо секретарей
Поместить у дверей
десять ящиков:
Для входящих — штук пять,
Остальные — назвать
„исходящие“.
Корридоры — забить,
Чтоб прогулы изжить
корридорные.
Для мужчин и для дам
По семи этажам —
две уборные.
(Время — распределить:
Все успеют сходить
с промежутками)
Лишних три — упразднить
И потом заменить
телефонными будками...

Зав встает на заре
И не знает, что ре-
визоры
на носу,
И скоро —
суд.

Вас. Лебедев - Кумач

ПРОТЕКЦИЯ

(Рассказ завотделом)

Ко мне приехал Супоросов, мой дальний родственник. Намочив мокрыми от пива усами мой рот, Супоросов кинулся в кресло, закурил папиросу и хлопнул меня по колену.

— Поработать приехал, послужить соввласти, хе-хе-хе!.. У нас, брат, в городе жуть: сокращение, экономприжим! Так вот я к тебе, по родственному.

Я пожал плечами и ледяным голосом сказал:

— У нас тоже сокращение. Вчера четверых сократили. Безнадежно.

— Жаль!—сказал Супоросов.—А мне бы с тобой послужить хотелось. Свой человек, как ни говори. Да ты не бойся: не подведу! Я, брат, даже политграмоту читал, материализмы там какие-то. Вот мы, брат, как!. Жаль, жаль, что у себя не можешь.

— Жаль,—как эхо повторил я.

Откровенно говоря, я совершенно не жалел об этом. Я терпеть не могу Супоросова: болтун, пьяница, лодырь и сплетник, он способен был отравить жизнь самого невзыскательного сослуживца. А тут, извольте радоваться, родственничек!..

— Слушай, Супоросов, — сказал я,— поверь мне, что я обещать ничего не могу, но помочь устроиться... Почему не помочь?.. Я готов ради...

— Ради памяти назабвенной тети Гликерии,—смахнул слезу Супоросов.

— Ради тети,—пробормотал я,—готов помочь тебе. Единственное, что я могу сделать для тебя — это дать рекомендательное письмо. Но помни, Супоросов, я дам тебе только одно письмо.

— Ладно, — сказал Супоросов. — Ты письмо только давай, а там видно будет. Устроимся как-нибудь!

— Чорта с два ты устроишься! —думал я, беря перо и придвигая чернильницу.— Чорта с два!..

Я писал:

— Уважаемый Николай Павлович! Направляю к вам моего хорошего знакомого. Очень прошу его устроить. Знаю за честного и преданного совввласти работника. Будьте добры, устройте. За работу его ручаюсь.

Я смело ручался, так как знал наверное, что Николай Павлович его не устроит. Но мне то что?.. Я исполнил родственный долг, не больше.

Я написал письмо и передал его Супоросову.

Супоросов послал мне воздушный поцелуй.

— Ты сегодня дома?—спросил он.

— Нет. Ни завтра, ни сегодня. Я еду в Москву.

— А жена?

— Жена тоже... в Москву. У нее, знаешь, тетка... умирает, вообще... туберкулез,—мрачно соврал я.

— Ну, ладно! — сказал Супоросов и, еще раз сделав мне ручкой, скрылся.

Дальше было так.

Супоросов пошел к Николаю Павловичу. Николай Павлович протер пенснэ, вздохнул и написал Семену Ивановичу. Семен Иванович прочитал письмо и написал Кларе Карповне:

— Знаю за преданного совввласти работника. Ручаюсь за его работу.

Клара Карповна поручилась жене Слыгина, а Слыгин Шраму. Шрам переговорил с товарищем Тетерой и дал письмо к Клюкину. Клюкин и Тетера чиркнули записки...

Я вошел с докладом к управделу Тяпляптреста Забубенному. Забубенный сидел за столом, а против него восседал Супоросов.

— Вот, — сказал управдел и показал папиросой на Супоросова. — Рекомендую за честного и вообще преданного совввласти. Как-нибудь устройте. Ручаюсь. Очень прошу.

— Но...—сказал я.

— Ну, какие там „но“, голубчик. *Очень* прошу.

Я поклонился.

Теперь Супоросов сидит в нашем отделе и сплетничает на меня Забубенному.

Я хирею.

Р. Волженин

КИНО-ТРЮК

или кадры советской кинематографии

Руководители «Пролеткино», ставившего 2-ю серию «Багдадского вора» привлекаются к ответственности по обвинению в бесхозяйственности и растратах.

Снимали одного вора, а получилась целая свора!

ОРКЕСТР БЕЗ ДИРИЖЕРА

(НАШИ ОПАСЕНИЯ)

Рис. Б. Антоновского

Запрещено премирование милиции за счет процентных отчислений от штрафов.

Почему такой непорядок? Почему неправильное хождение, езда и торговля?

А потому, что вот этого человека, который над стрелкой — с процентов сняли. Пущай, думает, вся улица поперек себя вверх ногами идет! А я—собачкой интересуюсь...

В СТАРОМ ДОМЕ

Жизнь — как жизнь. Окно открыто.
Приглядишься — а за ним
Плесневеющего быта
Пошлый лик и тусклый грим.
В том окне службист из треста,
Здесь торговец, тут начканц, —
„Обывательское" тесто
И слегка „советский" глянц.
Вон жильцы скандалят в кухне
Из-за примуса. А там
От жары и жира пухнет
Полуголая „мадам".
На „общественное мненье"
Наплевавши, некий тип
Взял „подругу" на колени,
И губами к ней прилип.
„Безобразника" хмельного
Привела жена домой.
Ниже в „чайной и столовой"
Запах преющих помой...
Старый дом, и в нем все то же,
Та же скука, что и встарь.
В каждой комнате похожи
Люди, чувства, инвентарь.
Только там — под крышкой самой —
Смех и песни целый день,
Водят споры, „рубят" гаммы
(По рабфаку на сажень!)
Да еще немного выше
Обветшалых этих стен
Четко тянутся по крыше
Нити крепкие антен.

Дмитрий Цензор

ПУГАНЫЕ ВОРОНЫ

Музыкальный плагиат (кража музыкального творчества), за последнее время стал обычным явлением.

Рис. В. Лебедева

— Приходите, Дора Семеновна, послушать! Я сегодня купила новый фокстрот Иванова—„Нильский крокодил“.
— Ой, как вы не боитесь?! Ведь вы уже один раз сидели за покупку заведомо краденого.

ПОЧВА ПОД НОГАМИ

Неразработанные пласты угля, по данным геологического кабинета, в одном только Донецком бассейне могут обеспечить Россию на 500 лет.

В Печорском крае открыты богатейшие залежи угля.

Рис. Л. Бродаты

— Эх! Добра-то, добра у нас под ногами!..

— То-то, что под ногами. Кабы — под руками... Кабы оно само в руки шло! А то копайся тут, машины ставь.

ОДНА КОПЕЙКА

(Трагедия)

I

Все началось невзначай: щелкали счеты, велись „учеты".
Разносила курьерша чай.
Машинистка пудрила нос. Люди на стульях прели. Ундервуд откалывал трели.
Работишка шла взасос, и вдруг...
Сорвался с цепи испуг—ударил счетовода Иванова-третьего в лоб!
Пропала копейка! Копейка пропала!
Без копейки балансу—гроб!
Как так пропала?
Считайте сначала!
Немыслимо! Невероятно!! Непостижимо!!!
Основа эконом-режима, копейка—пропасть не могла!
Разройте дела!
Ищите руками, глазами, носом - чтоб была!
Слышите крики? „Подать его!" „Взгреть его!"... Это вас... вас... Иванова третьего!

. . . .

Человек от ужаса взмок, счета приволок, прииалег на итог—зря!
Спокойны чисел моря—
Тысяча к тысяче прет на просторе... Копеек — бездонное море!
Иванов-третий, прошу в кабинет!
Копейки—нет!!!

II

— Отчет задержать?
— Не возражать! Всем—остаться! Искать до утра!.. Безобразье! Расхлябанность! Отсутствие НОТ'а!

. . . .

Извели чернил полтора ведра. Исписано триста четыре блокнота. Отщелкали сумму пять тысяч раз.
Проглядели итоги четыреста глаз...
Рычал всю ночь кабинет:
— Прррропала копейка! Копейки нет!

III

Трест—Синдикату: „Нехватка людей. Прилагаем усилия. Творим чудеса".
Синдикат — в амбицию: „Никаких гвоздей! Гоните в двадцать четыре часа!"
Ужас... Задержка... Провал... Прочет...
Синдикат телеграмму печет:
„Насадили уродов. Где отчет сниженья накладных расходов?"
Душа у треста упала. Высунул трест язык:
„Копейка пропала. Замзав Кривошлык".

„Вашу ответственность запятая учтите приказ запятая работа пустая взять всех на учет найти копейку выслать отчет".

„Прошу назначении комиссии Согласовав нами Бессилен пойти против совести изобрести копейку учинить подлог точка Надеюсь комиссия прольет свет Копейки нет".

„Вопрос увязан центре тире не желая играть роль недостойной игре высылаем комиссию среду точка снабжена всеми правами командировочные уплачиваются вами".

IV

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ

Чрезвычайной полномочной выездной комиссии Жох-Синдиката.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело о нехватке копейки в отчете о снижении накладных расходов Жох-Треста.	Полагать копейку в наличности.

День, месяц, число. Подписи. Место печати.

V

Кончилось все невзначай.
Щелкали счеты, велись „учеты".
Курьерша разносила чай.

Читатель! Не будем тужить: если факты на весы положить, они окажутся... ложью. Этого быть не могло.
Ф-фу!... Отлегло!...

Александр Флит

НАЛЕТУ

Рис. Н. Радлова

Конференция по разоружению закончилась рядом скандалов.

— Ну, как? Добились чего-нибудь?
Ангел мира: Добиваются.

БЕЗРАБОТНЫЕ МЫСЛИ

1. Никогда не увлекайся талией. Ибо, если это талия женщины, то тебе не избежать алиментов, а если это талия карт, то тебе не миновать растраты.

2. Имея пять трудкнижек на разные имена, не думай, что ты этим увеличил свою библиотеку.

3. Не удивляйся, что русские маэстро так легко присваивают себе заграничные фокстроты! Действительно, стоит ли считаться с иностранными **нотами**?

4. Если ты ответработник и едешь на курорт, то можешь там гулять даже в трусиках, но распоясываться, однако, не следует.

5. Если ты назвал свою секретаршу уменьшительным именем, не думай, что этим ты уменьшаешь накладной расход

6. Если делопроизводителю понадобилась **пропускная бумага**, то это значит, что ему нужно высушить написанное; если же заву понадобилась пропускная бумага, то это значит, что ему необходим мандат.

7. Чини карандаш, но не чини препятствий карандашом.

М. К-ий

ВЕРНАЯ ГАРАНТИЯ

— А колбаска-то у вас кажется испортилась!

— Помилуйте! Да она до самого протокола пролежит и ничего ей не сделается!

НЕВИНОВНЫЙ

— Вам абсолютно нельзя пить! У вас шум в сердце!

— Ик... Ну, вот видите! А меня давеча с собранья прогнали: шумишь, говорят, пьяница!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

МАЛО ПЛАТИТЕ!...

„Нижегородская Коммуна“ пишет:

> Ветлужск. окр. отделен. союза Нарсвязи, с целью привлечения членов на заседания, установило за посещение оплату. Несмотря на это, посещаемость не превышает 75%.

А вы прибавьте, товарищи, гривенник — посещаемость до 200% поднимется! Ветлужские профсоюзники — народ сознательный. Не подведут.

РЕЖИМ УКРАИНСКОЙ ЭКОНОМИИ

О нем рассказывают „Известия Одесского Губкома“:

> Несколько дней тому назад в Кременчуг приехал новый уполномоченный Укрмута, посетил сразу же все предприятия и решил провести жесткую экономию. С чего же он начал?
>
> Раньше всего решил снизить разряды с 7-го на 4-й помощникам вальцевых и рассевных машинистов и шеретовщиков.

Положил человек в кассу трешку, оторванную от рабочих, и успокоился. А этот самый Укрмут (что-то в роде „Украинского Мельничного Управления“) не успокоился: режимит и — никаких:

> По договору, заключенному центральным правлением пищевиков с Укрмутом, каждый привратник на мельнице № 20 в Лубнах должен получать один брезентовый плащ на два года, но заводоуправление, в погоне за экономией, выдало один плащ на четырех привратников.
>
> Вот, изволь-ка в студеную холодную ночь делиться плащом.

Смотришь, при этакой Укр. экономии, одну получку на семерых выдадут: делитесь, товарищи, будьте сознательны!

Один плащ — на четырех, одна получка — на семерых и — *сколько „Укрмутов“ на весь СССР?*

ПОЛТАВСКИЙ БОЙ

Корреспондент „Пролетария“ сообщает:

> — Смертный приговор капиталу! Ни одного торговца не должно остаться у нас на рынке — так твердо порешил полтавский церапкооп. И в первую очередь решил доканать еврейских мясоторговцев.
>
> Как же ты их, канальй, проймешь? Пришлось открыть отделы кошерного мяса. Но обыватель что-то не верил в твердость религиозных убеждений советских кооперативов.
>
> Тогда церапкооп сделал еще один героический шаг: он решил пренебречь услугами профсоюза и набрать весь штат рабочих мясников по рекомендации духовного раввина. Теперь уже никто не подкопается: кошерное мясо 96-й пробы!

И говорят изумленные украинцы, почесывая затылки:

— О, ЦЕ — Рабкооп??!

ПРОФСОЮЗНОЕ БЛАГОЛЕПИЕ

Тульский „Коммунар“ рассказывает о культурном подвиге одного Союза. Губотдел оного Союза —

> Послал к 1-му мая в подшефную избу-читальню, для придания ей благолепного вида и в назидание своим дорогим мужичкам, 100 штук картин, все больше портретов.
>
> И что же это, братцы, за картины, просто загляденье одно. Что ни портрет, то генерал с саженными эполетами, или этакий важный мужчина, в чине не ниже действительного статского советника, кавалера дюжины орденов.
>
> Каждая картина переложена тоненьким листиком, а на листике все их благоденственное житие подробно описано.
>
> Возьмем, скажем, Пименова. Это, оказывается, художник-скульптор, получивший звание академика за статую святого Владимира. Бортнянский — церковный композитор придворного звания. Обласкан самой «матушкой» Екатериной Второй. Написал: «гласом моим ко господу воззвах, скажи, господи, кончину мою, вскую прискорбна еси душа моя да воскреснет бог и расточатся врази его».
>
> Бруни — религиозный художник, написал несколько богоматерей с младенцами и без оных, святую Цецилию и пр.
>
> А Львов, Алексей Федорович... этот музыку к «боже, царя храни» написал .. Иже херувимы, вечери твоея тайные..
>
> Вот какие картины послали некоторые шефы мужикам, а те уже было иконы повыкидали...

Увидали мужики картинки и — сход.

Ставь, ребята, иконы на место. Старый режим, который — отрыжка, назад пришел!

Эх, Тула, Тула, я, Тула шефная моя!

СОВРЕМЕННЫЕ МАХОРОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сколько новых научных доктрин обнаруживается в наш век режима экономии! Киевский „Пролетарий“ (113) сообщает, что

> Укрмахортрест выписал на 500 р. всяких книг и журналов для нужд махорочной промышленности. Например, журналы английского королевского статистического общества, «Современные проблемы женского быта» и проч.

Стало быть, выходит, что английские „современные проблемы женского быта“ целиком упираются в кременчугскую махорку. Жаль только, что не указано, в какой сорт...

УСПЕХИ АРХЕОЛОГИИ

В Новгороде обнаружен чрезвычайно редкий экземпляр ископаемого, относящийся, примерно, к третичному периоду мезозойской эры. Вопреки всем существующим на сей счет археологическим законам, ископаемое это оказалось врид. зав. местным техникумом, Масловским. Застав в майскую ночь целующуюся парочку во дворе техникума, он экстренно созвал совет педагогов для обсуждения этого преступления.

> Педагогический совет большинством 15 против 10 постановил исключить П. из техникума за неблагонравное поведение. Его подруга была исключена самим вридзавом лично, так как он выразил непоколебимое убеждение в том, что она утратила свою девственность.
>
> («Звезда», от 19 мая)

Девушке было выдано следующее „отношение к врачу техникума“.

> Педтехникум, препровождая при сем ученицу III курса такую-то, просит произвести медицинский осмотр на предмет девственности.

Врачи удостоверили, что „такая-то находится в девственном состоянии“.

Вот и все. А ископаемое? Оно продолжает пребывать в том же техникуме и заниматься педагогической деятельностью... Так сказать, — „сеет разумное, доброе, вечное“...

РАДИО-ЗАПЯТАЯ

Все мы под экономикой ходим. А особливо, товарные биржи. По сообщению корреспондента „Эк. Жизни“ —

> Все товарные биржи влипли в нехорошее дело с радио-говорителями. То-есть не все, а штук двадцать. Им было свыше предложено обзавестись радио-приемниками которые должны ежедневно принимать из Москвы сегодняшние биржевые и рыночные цены. Кому не лестно знать эти цены? Особенно, бирже.
>
> Обрадовались. Внесли, кто сотни рублей, кто тысячу, две три и даже больше.
>
> Я был на приемнике астраханской биржи в момент оповещения московских цен. Там устроена даже специальная будка для большего эффекта.
>
> Сижу. Жду.
>
> Вдруг рокот. Потом визг, как от немазанной телеги. Потом звуки еще более странные:
>
> — Гау, гау, гау... У-у-у-у... Шау, шау, гау. У-у-у... Запятая... У-у-у-у... Запятая.
>
> Так больше, как «запятая», я ничего и не услыхал.

Не иначе „англичанка гадит“: Чемберлен волну пущает наперерез нашей и возрождаться не дает, стерва!

А вы наверное думаете, что у нас радио-установка — дрянь, что любое дело мы делаем наполовину, да и то плохо?!

Так и знали.

Всегда вы с претензиями.

ЧЕРНИЛЬНИЦА „ВОЛГО-КАСПИЙ-ЛЕСА“

Купил зав Волго-Каспий-Леса шикарный чернильный прибор. «Борьба» (Сталинград) взяла его на карандаш за расточительность в эпоху режима экономии. Зав обиделся и написал: —

> «Отсутствие чернильного прибора заставило меня сделать распоряжение купить последний, но не за 300 руб., *а за сколько можно достать* в Сталинграде, который и нашелся за 150 руб., и независимо от этого *состояние кабинета* управляющего «*В.-К.-Л.*» обставлен очень бедно».

Повезло человеку — нашел прибор за 150 рублей, а то мог быть и такой случай: тыща рублей приборчик и — никаких!

А сталинградцы ходят вокруг Волго-Каспий-Леса и вздыхают:

Чем дальше в лес, тем меньше дров.

Одни завы и... режим экономии.

МАТУШКА - ПРОВИНЦИЯ

Чего только нет в провинции? Все есть, как у больших. И канцелярии есть, и милиция, и кооперация, и конокрады, и кассиры, и „пишбарышни“, и домишки всякие.

Но только все это—в миниатюре,—в мелком масштабе.

Перед нами пачка заметок, присланных читателем „Смехача“ из с. Усть-Орда, Эхирит-Булагарского Аймака Бурят - Монгольской республики.

А вот видите — даже „Смехач“ туда доходит.

Милиция там вот какая.

Старший милиционер пишет отношение Н ку Эхирит-Булагарской Аймачной милиции: он, видите ли, обнаружил, задержал и препровождает конскую голову:

„При сем препровождаю конскую голову, прошу предъявить гр-ну (имя-рек)—не признает ли он ее *за свою собственную*“.

(Подпись)

Признал за свою или нет—неизвестно.

Вообще, лошади, повидимому, доставляют милиции много страдания.

Пишет другой милиционер в том же Аймаке:

„Настоящим доношу, что у гр-на (имя-рек) в ночь (на такое-то число) похищена лошадь неизвестными злоумышленниками. Приметы лошади на обороте.

Старший милиционер (подпись)

Приметы, действительно, старательно указаны на обороте: ручка от веялки, зубчатое колесо, винты и т. под.

Вот это конь, так конь! С винтами, на зубчатом колесе...

Судя по приметам — чистокровный трактор.

Кооперация в Аймаке, конечно, самая обыкновенная, под лозунгом „Лопай, что дают“.

Без штанов ходить граждане всетаки воздерживаются, но—

„За недостатком одежных материалов, покупают синие платки на штаны“.

Очень шикарно!

Относительно „пишбарышень“ вот что пишут:

„В Булагарском Хике того же Аймака допущена к работе малограмотная практикантка гр-ка З., которая, выписывая по журналу около десяти бумаг, все их обозначала одним номером—2328“.

С малограмотной много не спросишь. Но ничего! Все придет в свое время. Напрактикуется.

Сегодня, например, десять бумаг выпустит за № 2328; завтра—десять бумаг за № 2328... После завтра, например, тоже десять бумаг за № 2328.

А там, глядишь, до того насобачится, что и до № 2329 дойдет. Не сразу, конечно!...

Кассир в провинции—пожиже наших. На большую сумму не идет.

С кассиром Эхиритского хика такой случай был:

„В расход были дважды списаны денежные документы, а получившийся в кассе излишек денег был изъят кассиром, гр-ном К., после чего, спустя некоторое время, обнаружилась недостача в сумме 207 рублей“.

Случайный промах—и все тут. Столичный кассир на такого червяка не ловится.

Но до чего же дешевы в провинции домишки!

Если у вас имеется в наличности рубля три, не тратьте.

Езжайте прямо в Булагарский хик и спросите Сайгурский булсовет.

За эти деньги вы такого наприобретаете, что сразу из пролетария вскочите в кулака. Слушайте:

„Сайгурским булсоветом в Булагарский хик представлен материал по инвентаризации, из которого видно, что—
здание булсовета стоит 1 р. 50 к.
погреб . . . . — „ 5 „
стайка . . . . — „ 3 „
и т. д.

И, может, нахватавши на всю трешку домов и погребов, вы станете таким буржуем в синих штанах, что, когда покажет вам милиционер конскую голову — вы ее смело признаете за свою.

Азиат

ДОБРЫЙ КОНОКРАД

Рис. А. Радакова

Вследствие жаркой погоды началась эпидемия пожаров. (Хроника)

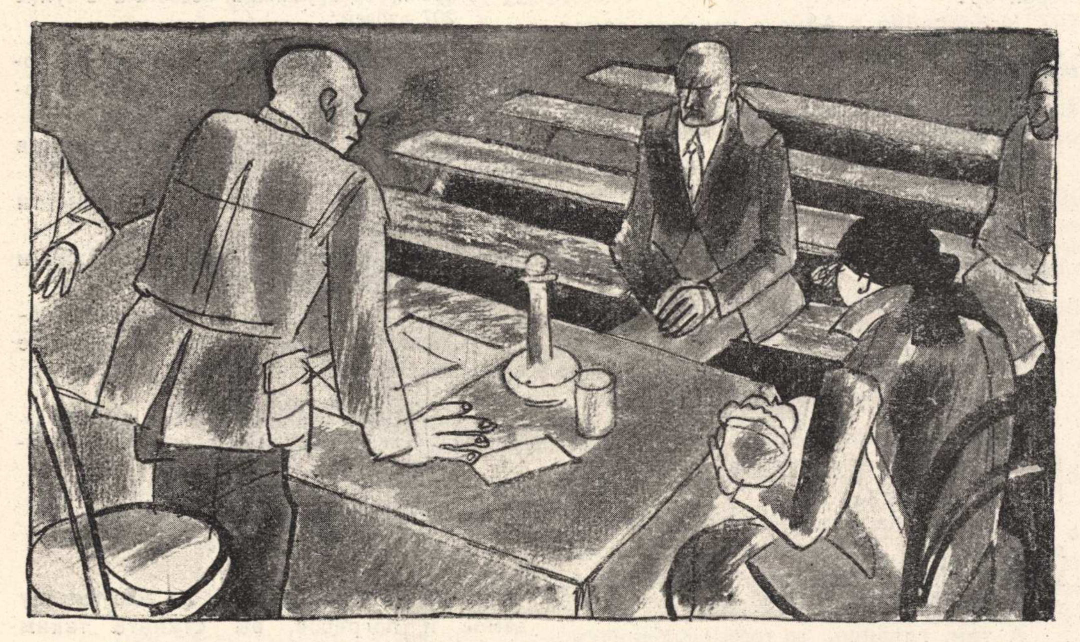
— Жаль животную! Увести, что-ли, покеда пожара нет...

ОТЦЫ-БЛАГОДЕТЕЛИ

Проект нового закона о семье и браке разрешает вопрос о коллективном отцовстве, в смысле необходимости для суда избрать из нескольких ответчиков одного отца и обязать его уплачивать содержание.

(Из газет

Рис. Л. Бродаты

— Граждане,—как у нас нету кворума, то выборы ответственного отца не состоятся. Собрание переносится на завтра и будет действительно при любом числе собравшихся отцов...

МЯСО НА СКЕЛЕТ МАЯКОВСКОГО

«Этот—стих скелет, который может и должен обрастать при моей помощи и при вашей, т. т. поэты, мясом злободневных строк»

(Примечание В. Маяковского к собственным стихам в № 117 Веч. „Красн. Газ.")

Хорошо,
Когда люди
Сознáются:
„Староват,
от жары балда..."
Ну,
никто
и не удивляется,
почему стихи ерунда...
Но, товарищи,
дело не в этом.
Здесь
иной
поищите грунт: —
Кушать
хочется
всем поэтам,
а мясо,—
шесть гривен
фунт!

Буби

ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК

Посв. В. С. Ш.

Вот так—живешь-живешь и вдруг догадаешься!

Я догадался, почему нашему брату — пишущему — тяжело.

Глаза у нас подлые—потому и тяжело. Такие глаза у нас, что все норовят подметить что нибудь нехорошее, и это нехорошее мы сейчас же на бумагу—и читателю. Читай, мол, дорогой читатель, и поучайся. Вот, мол, какие есть люди и факты. Постерегись и будь паинькой.

Но вот тут и начинается наше горе.

Читатель (и особенно, — ответственный) почешет сомнительно нос и говорит:

— Ну, зачем вы это? Ну, кчему? Ну, что это у вас за подход? Если зав—обязательно, растяпа или жулик. Если кассир—растратчик. Пьянство у вас—в каждой строчке по бутылке!..

На это мы резонно, в тысяча первый раз, говорим:

— Товарищ! Но ведь наш долг указывать на недостатки. Мы не говорим, что все завы—растяпы и жулики, все кассиры—растратчики, что все граждане — пьяницы. Конечно, если поискать, всегда можно найти нежулика, нерастратчика, непьяницу. Конечно же, бывают...

— Вот видите!—радостно встречает ответственный наше заявление:—Вот вы и рассказывайте нам о таких.

Читатель! К сожалению, мы не знаем—взаправду ли ты любишь читать рассказы о таких людях.

На наш взгляд, описание таких редких людей не приведет к улучшению жизни, к созданию нового быта.

И, прочитав восторженное повествование о подобных людях, не швырнешь ли ты, читатель, с остервенением книжку, восклицая, в свою очередь:

— Ну, и брехня! Если зав—обязательно, умный, деловой, отзывчивый, работоспособный. На автомобилях не раскатывает. Если кассир—так он, сукин кот, не пьет, не курит, в карты не играет.. Что ж это вы пишете, братцы хорошие, когда в жизни совсем другое?!

И еще я вспомнил. Вот сидишь ты, читатель, в театре и смотришь гоголевского „Ревизора".

И ты доволен, и театральная касса довольна, и слава Гоголя не умирает, и дурные нравы осмеянию преданы.

А ну—попробуй Гоголь под критика сработать:

— „Я собрал вас, господа, чтобы сообщить весьма приятное радостное известие: к нам, слава богу, едет ревизор!"

— „Как ревизор?! Наконец-то! А то, знаете, как-то обидно. Служим честно, взяток не берем... Очень хорошо, что едет: по крайности, похвальный приказ напишет, к награде представит".

И дальше: все хором — „Ура! Да здравствует ревизор! Многая лета!!."

Разве досидишь ты, читатель, больше, чем до половины первого действия (кстати, какую дрянь еще писать в остальных действиях, после такого начала!)? Разве не бросишься ты требовать назад деньги?

Да еще, может быть, и в морду к администрации полезешь!

* * *

— „Вот вы и рассказывайте нам о таких", — о положительных, симпатичных типах.

Хорошо. Попробуем. Сделаем почин. Расскажем вам о Владимире Петровиче.

* * *

Я подсшел к Владимиру Петровичу. Он сидел за своим столом и рассеянно чертил карандашом на промокашке.

— О чем думаете?

Он поднял глаза и, оглядевшись по сторонам, сказал:

— Да вот .. уходить от вас собираюсь.

Я остолбенел, совершенно так же, как если бы узнал, что он подавился карандашом.

— Вы? Уходить? В чем дело? Вам у нас не нравится?

— Нет, собственно.. Все хорошо.

— Но тогда почему же уходить? Странный человек! Только наладили и развернули дело, и вдруг... Что же,—вам предлагают лучшие условия?

— Нет. Даже, собственно говоря, на пятьдесят рублей меньше.

— Меньше?!

Я смотрел в эти святые, уставленные на меня, глаза, стараясь показать им все свое недоверие и изумление.

— Да,—сказал он,—представьте, меньше. Не верите?

— Воля ваша, Владимир Петрович! Но как же я,—человек в твердом уме и свежей памяти, совершеннолетний — могу в этакую чертовщину поверить? Да нет же, вы шутите!

— Хорошенькие шутки! Завтра вопрос решится окончательно. Девяносто девять шансов за то, что я уйду.

Он скучно указал на стол.

— Ну, что это? Вы правильно сказали: дело налажено— и теперь остается сидеть и ничего не делать. Машина уже завертелась и будет вертеться.

Я вытаращил глаза, словно хотел увеличить их вдвое.

— И это причина? И поэтому вы собираетесь уйти?

— Именно поэтому. Скучно, милый. Ну, что? В месяц я сделал все, что было можно. Я довел до максимума. Дальше— ну, ничего. Скучно. Сегодня я, например, пришел в 12 часов, вместо девяти. Звоню: есть что нибудь новое, какие нибудь осложнения? Никаких. Все идет своим чередом. Ну, и не торопился. Тоска смертная...

— Чудак!—вскричал я совершенно искренно:—Вот, ей-богу, чудак-то! Да ведь это ж мечта каждого человека — наладить дело так, чтобы освободить возможно больше времени для личной жизни. Мало ли людей, которые страдают как-раз от невозможности устроиться посвободней! Вы можете почитать, погулять, отправиться, наконец на бега...

Он выслушал и зевнул во весь рот.

— Нет, это не для меня. Завалиться работой, сидеть с девяти до девяти и потом еще у себя дома до трех часов ночи—вот это да!

— И в м дают такое замечательное место?

— Именно. Предшественник запустил работу за три месяца. Там есть над чем посидеть!

Глаза его загорелись.

— Там одних нераспечатанных писем—полторы тысячи!

* * *

Мы собрали экстренное совещание, мы ломали головы, чтобы придумать какую нибудь новую нагрузку для Владимира Петровича

— Полторы тысячи писем! Откуда нам взять полторы тысячи писем!

Единственно, что нам удалось сделать, это — сократить штаты, с возложением на Владимира Петровича десяти должностей, и поручить ему разработать смету на ближайшие пятнадцать лет.

Этого хватило ровно на месяц. Ровно месяц он сидел, не разгибая спины, и бодро насвистывал английский фокстрот.

Через месяц—смета была закончена, фокстрот умолк, а в задумчивых глазах Владимира Петровича мы снова читали ядовитую, подтачивающую его мысль о полутора тысячах неразобранных писем.

* * *

Он всетаки ушел. Полторы тысячи писем перетянули от нас этого незаменимого работника.

И что самое обидное: он не выдуман, он—настоящее живое лицо, благополучно разбирающее и поныне груду писем. А вы не поверите, читатель,—вы опять скажете:

— Ну, зачем это? Ну, что вы все сочиняете?

Остается указать точный адрес учреждения, этажа и комнаты, где сейчас работает незаменимый Владимир Петрович.

Но как же я укажу, если дал честное слово? Если у меня вчера был сам директор того учреждения и молил, как говорится, „христом богом“:

— Не режьте нас! Не указывайте! Не дай бог, пронюхают другие,—так ведь перетянут же! Ведь у нас—всего полторы тысячи писем. А ему дадут—пять-шесть-десять тысяч нераспечатанных писем! Ведь уйдет же ж!

И. Прутков

ТАРАКАН В ТЕСТЕ

Собственно, словарь этот, вышедший в из-ве „Прибой“, называется настольным, но это—несомненная опечатка, ибо вряд ли можно *на столе* иметь подобный „общественно-политический справочник и толкователь иностранных слов“.

Судите сами.

Кинематика (или статика)—отдел механики, изучающий движение тел (стр. 115).

В действительности, каждый прошедший школу фабзавуча знает, что кинематика и статика—диаметрально противоположные отделы механики.

Килоуат-уатт (см. стр. 115).

Смотрим уатт (стр. 305). Читаем:

Уатт, Джемс (1736—1819) изобрел паровую машину.

Итак—Килоуатт есть не кто иной, как изобретатель паровой машины.

Мирбо, Октав (род. 1850 г.) современный **русский** писатель; яркая острая сатира нравов, смелое и беспощадное обличение буржуазного быта (стр. 170).

А по соседству с этим „современным русским писателем“ **Куприн** и **Амфитеатров** значатся в разряде уже умерших (стр. 135 и 15). Хотя оба они и поднесь пребывают в эмиграции.

И какую только дрянь не выбрасывают волны „Прибоя“?!

ДЕЛЬНЫЙ ПАРЕНЬ

Пропавшие в Госторге 874 трактора оказались переданными Севкавторгу, о чем Госторг только теперь „вспомнил“. (Из газет)

Рис. Н. Радлова

— Ведь вот, граждане, какая забывчивость: заслали тракторы и неделю не могли вспомнить' А вотя! Кажную копейку помню. Например, истратил вчерась шесть гривен: А куда истратил? Подписался на „Смехач“.

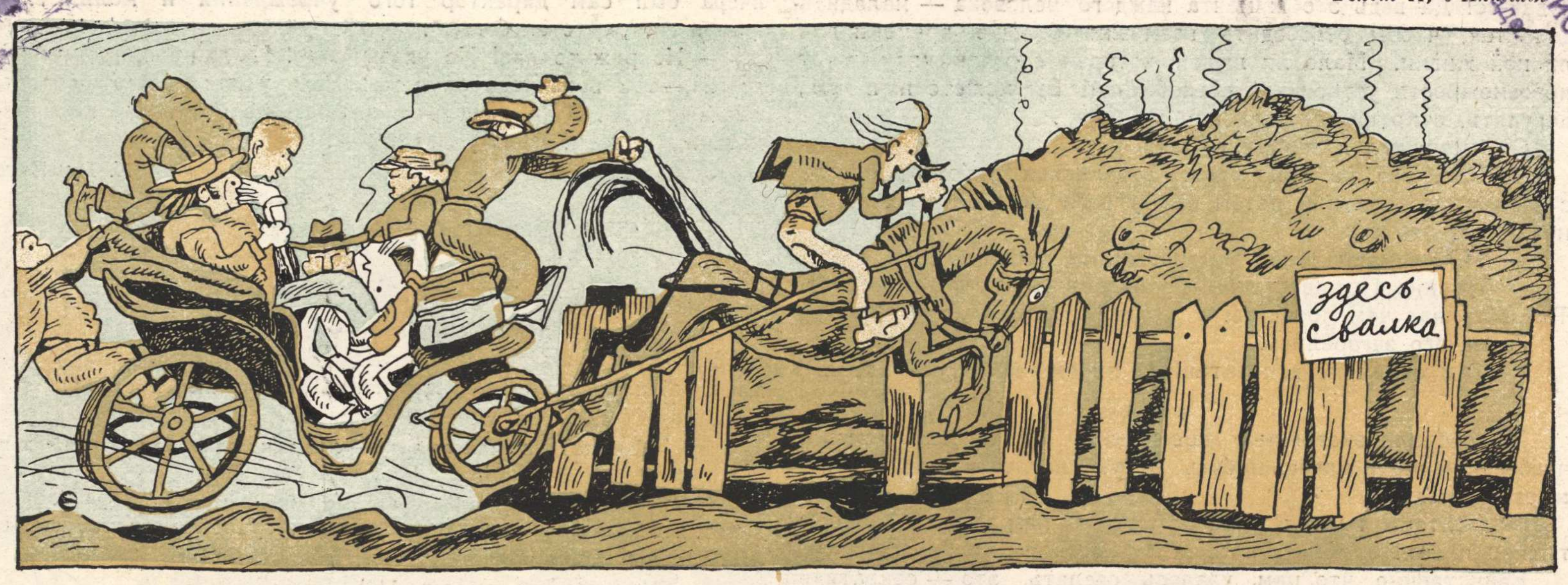
Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор **А. С. Андрейчик.**

Ленинградский Гублит № 16815. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 3104. **Тираж 80.000**

РУАЛЬД АМУНДСЕН И ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН

(ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, ИМЕВШЕЕ МЕСТО 5 МАЯ С. Г., В ДЕНЬ ОТЛЕТА ИЗ-ПОД ЛЕНИНГРАДА НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС ДИРИЖАБЛЯ „НОРВЕГИЯ“).

Рис. Б. Антоновского — *Текст А, д'Актиля*

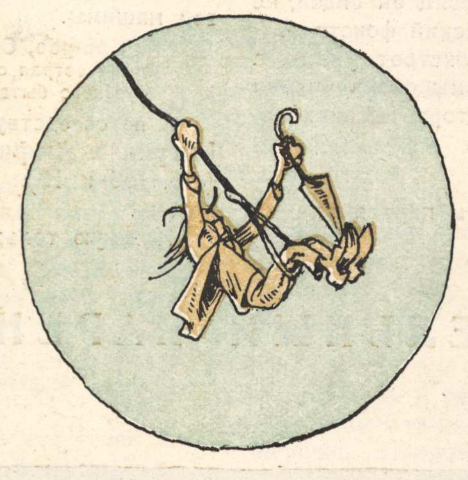

1. Сегодня днем аэростат
Покинет красный Ленинград.
Пустивши вскачь наемных кляч,
Спешит на зрелище „Смехач“.

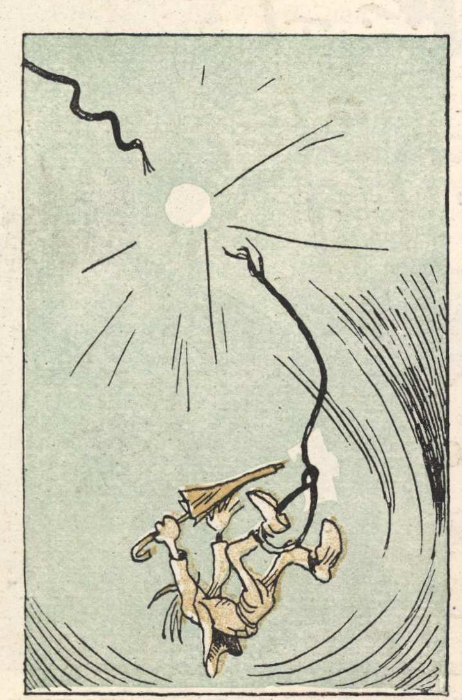
2. Под самым Троцком Откомхоз
Свалил скопившийся навоз.
„Смехач“, слезой увлажнив взор,
Спешит объехать сей позор.

3. Шумливых толп наплыв велик.
И вот настал бессмертный миг:
Норвежца смелого корабль —
Взмыл в небо гордый дирижабль.
И вдруг стр лой несется весть:
— Там... на канате... кто - то есть!

4. Бинокли вверх наведены.
— Ах, чорт! Знакомые штаны...
И воплем вырвалось из уст:
— Да это Надькин, будь он пуст!

5. И вдруг — не выдержал канат:
Веселый кончен променад.
Свистит в ушах. Разверзлась твердь.
Герой погиб! Герою смерть!!

6. Но нет: храбрейшему из нас
Еще не пробил смертный час.
Долой платки! Не надо слез!
Читатель, вспомни Откомхоз.
Теперь ты понял, для чего
Упомянул я про него?